

НАУКА И РЕЛИГИЯ

1

1992

ISSN 0130-7045

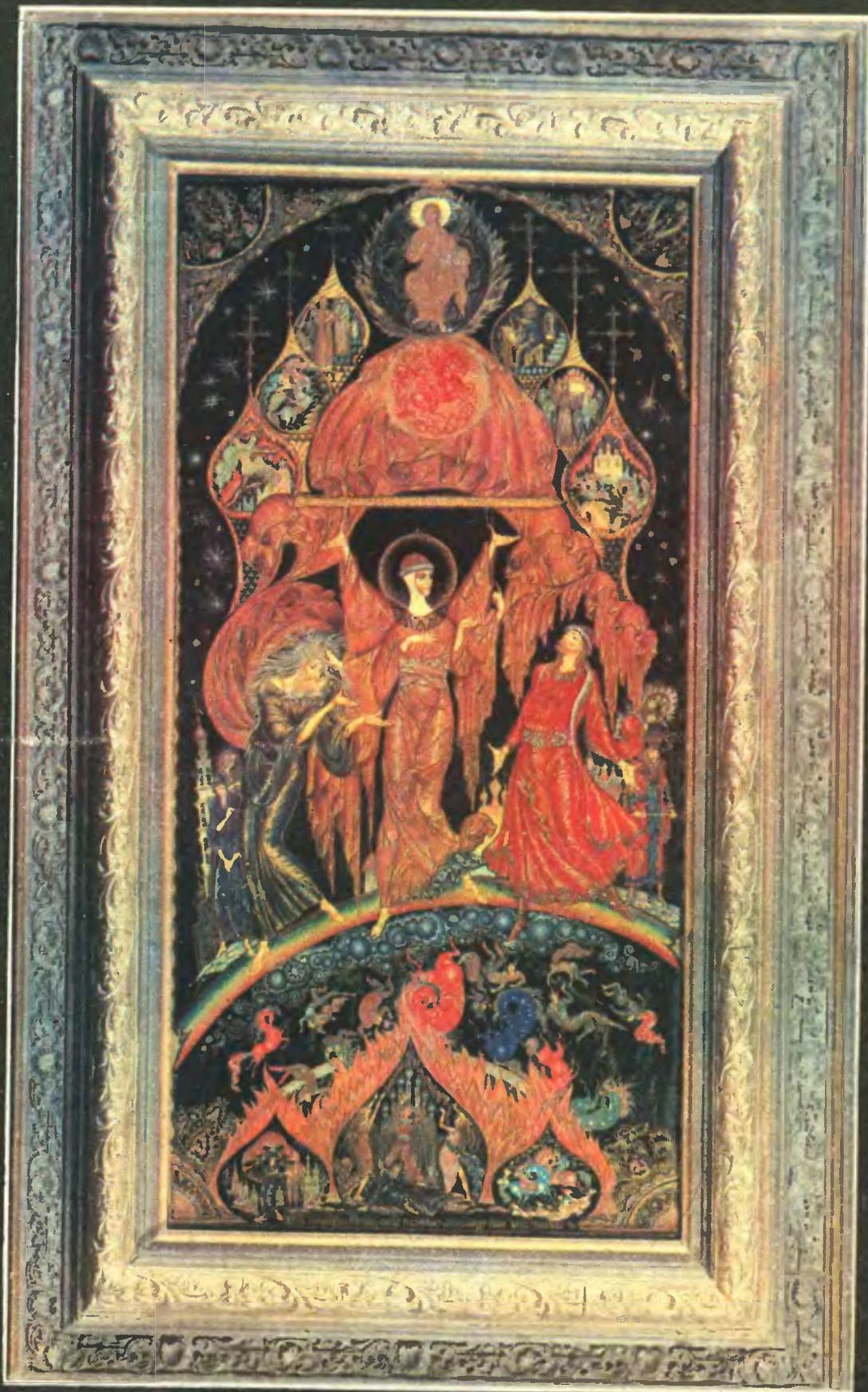
В НОМЕРЕ:

Год
Сергия
Радонежского

Снова
о спиритизме

Звезды и
судьбы

Еженедельный
оракул

Сергий Радонежский и Франциск Ассизский

Д. С. ЛИХАЧЕВ

В данной статье меня интересует типологическое сравнение двух наиболее значительных фигур Предвозрождения¹, итальянского и русского: Франциска Ассизского и Сергия Радонежского. Обоих характеризует стремление к уединению и к уединенной молитве, нищета, частичный отход от официальной церкви, общение с природой и т. д.

Не буду останавливаться на этих чертах святого Франциска — они общеизвестны. Моя задача состоит лишь в том, чтобы найти сходства и различия в том, что нам известно о Сергии Радонежском. Сходства — в принадлежности к общей эпохе Предвозрождения, впрочем, начавшейся в России несколько позднее, чем в Италии. Различия, очевидно, в национальных особенностях религиозной жизни.

К сожалению, жизнь Сергия Радонежского известна нам менее подробно, чем жизнь святого Франциска. Житие Сергия Радонежского² представляет собой чрезвычайно искусно построенный труд, полный риторических словоплетений, состоящий в основном из восхвалений и богословских рассуждений о значении

того или иного факта в жизни Сергия, фактическая же сторона жизни подана более чем скромно.

Жизнь Сергия отделяет от жизни Франциска почти целое столетие. Родился Сергий примерно в 1314—1322 или 1323 г., умер 25 сентября 1392 г. Хронологический разрыв понятен: культурная жизнь Руси была сильно заторможена татаро-монгольским игмом, начавшимся с нашествия орд Батыя в 1237 г., продолжавшимся при жизни Сергия и закончившимся только в 1471 г., когда великий князь московский Иван III в присутствии татарского посла изломал изображение хана, бросил обломки на землю и растоптал ногами.

Как и святой Франциск, святой Сергий выше всего из христианских подвигов ставил нищету, духовное преодоление всех телесных страданий и девятельную любовь ко всему живому — к людям и животным.

Это их сближает. Но разделяет — отношение к нищете. Сергий Радонежский строго запрещал своей духовной пастве просить милостыню, но требовал подавать милостыню нищим из последнего. Вот что рассказывает в Житии: «Случилось однажды такое испытание, — потому что с испытанием совершается и милость Божья: как-то не было хлеба и соли у игумена, и во всем монастыре истощилась всякая еда. А была заповедь у преподобного игумена для всех братьев такая: если когда-нибудь приключится такое испытание — или хлеба не будет, или кончится всякая еда, — то не выходить за этим из монастыря в деревню какую-нибудь или в село и не просить у мирян нужного для пропитания, но сидеть терпеливо в монастыре, и просить, и ждать милости от Бога. Как братьям он повелевал и заповедовал, так и сам поступал, и терпел, и оставался три или четыре дня без всякой еды».

Об отношении Сергия к выпрашиванию милости говорит и следующий факт. Однажды, когда Сергий не ел уже три дня, он на четвертый день взял в руки топор и пришел к одному из старцев, живших в монастыре, и сказал: «Слышал я, старче, что хочешь ты сени соорудить перед кельей своей. И я для этого пришел, чтобы руки мои не были праздными, — построю сени тебе». Старец согласился и вынес ему, как плату, заплесневелый и ломаный хлеб. Но Сергий только тогда к нему прикоснулся, когда закончил постройку сеней. Так он показал, что не только подавая, даже плату вперед брать не хочет...

Сергий постоянно трудился, делая сам всю крестьянскую работу. Это был его христианский подвиг. Он умел строить избы и церкви, сам шил себе и братии одежду, носил на плечах своих дрова из леса, «и разбив и наколов, на поленья разрубив, разносил по кельям (своей братии), толоч зерно и жерновами молот, и хлеб пек, и еду варил, и остальную пищу, нужную братии, готовил; обувь и одежду он кроил и шил; и из источника, бывшего там, воду в двух ведрах черпал и на своих плечах в гору носил и каждому у кельи ставил».

Составитель Жития подчеркивает, что трудился Сергий для братии — не для себя. Крестьянский труд был для Сергия актом христианского смирения. Это особенно видно по эпизоду, когда Сергий работал на огороде и не был узан прехавшим ему поклониться крестьянином. Сергий был очень обрадован тем, что поклонник его не мог признать в нем прославленного игумена. Он первым подошел к крестьянину, поклонился ему, поцеловал с большою любовью и похвалил его за то, что гнушался им и был принят крестьянином за нищего, «сироту».

Главная добродетель Сергия — то, что он труженик. «Бог сделал его тружеником, наставником множества

¹ В русской культуре отсутствовала эпоха Возрождения. Существовали отдельные явления гуманистического и возрожденческого характера. Однако можно говорить об эпохе Предвозрождения, не перешедшей затем в эпоху Возрождения, а как бы замолчавшей на несколько столетий, пока барокко не приняло на себя некоторые из функций Возрождения. Наиболее характерная черта Предвозрождения — это обращение к внутреннему миру человека, к его эмоциональной сфере во всех областях культуры. Для Руси наиболее интенсивный период Предвозрождения приходится на вторую половину XIV — начало XV вв. В религиозной жизни это было время основания многочисленных монастырей среди дикой природы, тяги к отшельничеству, нищенской жизни, полной лишений, трудной и упорной переплести книг, составления переводов, влияния исихазма и т. д.

² Последнее издание по рукописям: Памятники литературы древней Руси. XIV — середина XV вв. Составление и общая редакция Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1981. Цитаты в русском переводе М. Ф. Антоновой и Д. М. Бузанина по этому же изданию. С. 236—429.

иноков, многочисленной братии игуменом и главой», — пишет автор его Жития. Сама служба в церкви была связана с его собственноручным трудом: «просфоры же он сам пек: сначала пшеницу толок и молол, муку просеивал, тесто месил и квасил. Так, испекши просфоры, служил он Богу от своих праведных трудов, а другому не разрешал никому, хотя очень хотели многие из братьев печь просфоры. Но преподобный старался быть учителем и исполнителем («делателем»): и кутью сам варил, и свечи делал, и кануны творил».

Физический труд Сергия был одним из проявлений его хозяйственной деятельности. Впоследствии многие из русских святых были прежде всего не только основателями, но и организаторами хозяйства. Таким был, например, Пафнутий Боровский в своем Благовещенском монастыре, игумен Филипп в Соловецком монастыре и даже Иульяния Осорьина, в своем собственном доме. Последняя не была монахиней. В числе главных ее христианских подвигов был труд в ее собственном поместье, от которого кормилась она сама и все ее слуги. Если бы не ее труд, — она не смогла бы оказывать помощь нищим и приходившим к ней голодающим крестьянам.

Почти сходно отношение Сергия и Франциска к животному миру. Вот один из рассказов его Жития:

«Однажды святой согласно своему правилу бодрствовал и за братию молился, чтобы Господь помог им в трудностях жизни и подвигах. Когда он так молился, уже поздним вечером, услышал он голос, говорящий: «Сергий!». Он удивился необычному для ночи звуку и, сотворив молитву, открыл в келье окошко, желая узнать, чей это голос. И вот узрел он видение чудесное: появился в небе свет яркий, который всю ночную тьму разогнал; и ночь эта озарена была светом, дневной свет превосходившим в яркости. Услышал он вторично голос, говорящий: «Сергий! Ты молишься за своих детей, и Господь моление твое принял. Смотри же внимательно и увидишь множество иноков, во имя святой и живоначальной Троицы собравшихся в твое стадо, которое ты наставляешь». Святой взглянул и увидел множество птиц очень красивых, прилетевших не только в монастырь,

но и в окрестности монастыря».

Согласно древнерусским воззрениям, символ — такая же реальность, как и то, что он символизирует. Птицы были такими же иноками Сергия, как и иноки, чье появление в монастыре они предвещали.

О том же отношении Сергия к зверям свидетельствует и рассказ Жития о дружбе Сергия с медведем, ежедневно приходившим к нему в течение года. Сергий делился с ним последним куском хлеба. «Иногда же блаженный о себе не заботился и сам голодным оставался: хотя один только кусок хлеба был у него, но и тот он зверю этому бросал. И он предпочитал не есть в тот день, а голодать, нежели зверя этого огорчить и без еды отпустить».

Характерно, что в обоих чудесах сверхъестественный момент относительно невелик. Это вообще одна из особенностей русских житий святых.

Сергий Радонежский — один из самых популярных среди русского крестьянства святых. Он был чрезвычайно

популярен уже при своей жизни. Это можно объяснить в первую очередь тем, что он был близок народу и своей святой бедностью, и своим крестьянским трудолюбием. Крестьяне были основным населением России и недаром они назывались именно крестьянами, т. е. христианами.

Даже служение Богу (совершение литургии) соединялось у Сергия с простым, крестьянским трудом. Был он «учителем и исполнителем: и кутью сам варил, и свечи делал, и кануны творил».

Сперва крестьянский труд, а потом хозяйственные заботы, особенно основателей монастырей, стали со времени Сергия постоянным элементом благочестивой деятельности русских святых из монахов.

Могут быть проведены и другие сближения Франциска Ассизского и Сергия Радонежского. Оба, например, в основе своих взглядов номиналисты, при этом не случайно, что Сергий был почти современником новгородского архиепископа Василия — автора послания к тверскому епископу Федору Доброму о земном рае (1347 г.), где Василий утверждает реальность рая в духе учения номиналистов.

Ученики обоих обращают внимание на народы Востока. Минорит Раймон Лулль добивается открытия факультетов восточных языков в некоторых

европейских университетах. В России же ученик Сергия — Стефан Пермский создает в XIV в. письменность и просвещает народ финно-угорского происхождения — коми-зырян.

Приведу только один конкретный пример. Уже готовясь к смерти, Пафнутий Боровский стал поучать, как исправить плотину на пруде, которую сам когда-то делал. Автор рассказа о смерти Пафнутия иннок Иннокентий пишет, отмечая важность этого события точнейшими данными:

«В 6985 (1477) году, индикта десятого, после святого и честного праздника Пасхи, в четверг третьей недели, на другой день после Георгиева дня, в третьем часу дня позвал меня старец (Пафнутий — Д. Л.) походить за монастырем. Когда же вышли из монастыря, то пошел он к пруду, который создал многими трудами своими. И вот, когда пришли мы на место за плотинкой, увидели ручей, просочившийся под мостом, и стал он меня наставлять, как преградить путь воде...»

При этом Пафнутий полностью осознает, что приспели ему иные заботы — связанные с тем, что надлежит ему в ближайшие дни умереть.

Ярче всего популярность Сергия проявилась в истории с нижегородским княжением. Не в первый раз выступал он миротворцем между князьями, но в 1365 г. князь Борис Константинович Суздальский захватил у своего брата Дмитрия Константиновича нижегородское княжение. Дмитрий признавал главенство великого князя московского Дмитрия Ивановича, будущего победителя татар на Куликовом поле. И поэтому вернуть Дмитрия Константиновича на нижегородское княжение было особенно важно. Когда уговоры не подействовали, Сергий по одному своему слову затворил все церкви в Нижнем Новгороде, и Борис вынужден был сдаться. Народ не мог остаться без церковной службы.

Сила Сергия Радонежского, его слова особенно ярко выступают на фоне того факта, что он решительно отказывается принять сан главы русской православной Церкви. Сергий заявлял: «От юности я не был златоносцем; а в старости тем более желаю пребывать в нищете» и отказался принять от митрополита Сергия золотой «парамандный» крест митро-

поличий, усыпанный драгоценными камнями. Вот почему великий князь Дмитрий Иванович Московский перед выступлением в поход на хана Мамая приехал к Сергию в обитель и просил благословения. Это благословение необходимо было, чтобы огромная московская рать, большую часть которой составляли крестьяне, почувствовала бы святость предстоящей войны. Это не был очередной поход против войска Золотой Орды — это был крестовый поход христиан. Если права легенда о том, что Сергей дал ратникам Дмитрию, вопреки запретам монашества, двух схимников — Пересвета и Ослябю, то тем самым Сергей с особенной убежденностью показал, что сражение в войсках Дмитрия — святое дело. Могущество нищего-крестьянина было здесь продемонстрировано с особенной убедительностью.

Различие между святым Франциском и святым Сергием состоит, однако, и в том, что во Франциске мы все время ощущаем силу христианской любви, его улыбающуюся открытость миру — людям и природе. Сергей гораздо «серьезнее». Он делает свое дело без улыбки. Во всяком случае автор Жития Сергия Радонежского только в немногих случаях отмечает его приветливость, особенно в случае с крестьянином, отказывавшимся признать в нем прославленного игумена. Сергей поблагодарил его за это, обнял и поцеловал.

Итак, встреча Руси и Италии произошла еще до того, как мы познали друг друга, в эпоху Предвозрождения обнаружили некоторые психологические соответствия: это в Италии Франциск Ассизский и Джотто, а на Руси — это Сергей Радонежский и Андрей Рублев. Обе пары имеют чрезвычайно много общих психологических черт, эти совпадения не сознательные, типологические.

Затем, в конце XV и в XVI веках наступил период сознательного очарования Италией. Этот период сознательного тяготения России к Италии объясняется тем, что Русь и Россия воспринимали себя как третий Рим. Второго Рима уже не существовало,

так как он был не только занят Османской империей, но и отступил, с нашей точки зрения, от православия. И вот первый Рим, обращение к первому Риму было настолько большим, что для строительства главной святыни Московского государства был приглашен итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, который работал в Москве над Успенским собором, одновременно в своем творчестве отражая идеи Ренессанса и символическую систему успенских храмов, которая была принята на Руси. Московский Кремль строили итальянские архитекторы Марко Руффо и Антонио Солари.

Таким образом, в Москве создалась своя Италия, свой Рим, отнюдь не похожий на Рим реальный, но такой, который существовал в представлении русских. Это был своеобразный идеальный Рим в преломлении московских государей и московской интеллигенции.

Затем интерес к Ренессансу перешел в интерес к барокко, потому что барокко приняло на себя в России функции Ренессанса. И здесь огромную роль играли уже Польша и Украина, которые передали нам «школьное» барокко и «веселое» барокко, которое так овладело умами русских в XVII веке.

В XVIII веке — новое представление об идеальной Италии, которое снова давали главным образом итальянские архитекторы. Это строительство Петербурга. Строительство Петербурга осуществлялось в основном итальянскими архитекторами или теми архитекторами, которые проходили выучку в Италии. Это Растрелли, это Росси, это Кваренги, это Ринальди, это Лукини и многие другие архитекторы. Так же точно происходило

и в Москве, и в дворянских усадьбах.

Санкт-Петербург до сих пор сохраняет обаяние и итальянского города, и вполне русского, т. е. города, который воплотил в себе представление опять-таки о Риме, в первую очередь о Риме идеальном — с огромными площадями, с огромными водными пространствами, со стремлением к будущему и т. д.

Характерно, что русские помещики, которые строили свои усадьбы в конце XVIII — начале XIX вв., представляли себе, что они строят усадьбы главным образом в итальянском духе. Сейчас мы привыкли говорить терминами искусствоведов, что это был екатерининский классицизм, что это был ампир, но на самом деле в представлении того времени это была прежде всего итальянская архитектура, архитектура Палладио, идеальной Италии.

Одновременно с этим русская культура обладала особой влюбленностью в отношении к Италии. И здесь я могу напомнить довольно хорошо известные работы живописцев, русских поэтов об Италии. Здесь сохраняется все время отношение в высшей степени положительное, но все время меняющееся. Скажем, к концу XIX и XX века неожиданно всплывает вдруг Предренессанс, неожиданно появляются вновь как знамя Италии Франциск Ассизский и Джотто. Это, между прочим, сказывается даже в творчестве Достоевского, который Зосиму своего изобразил не столько даже как Сергия Радонежского, сколько Франциска Ассизского: Иван Карамзин, обращаясь к Алеше, говорит: «Ну, иди, иди к своему патер серафику». «Патер серафику» — прозвище Франциска Ассизского.

В ноябре прошлого года академику Дмитрию Сергеевичу ЛИХАЧЕВУ исполнилось 85 лет. Редакция горячо поздравляет своего любимого постоянного автора и присоединяется ко всем многочисленным прекрасным пожеланиям, уже высказанным по этому торжественному поводу.

МАМВРИЙСКИЙ ДУБ

По свидетельству Библии в двадцати милях к югу от Иерусалима, близ Хеврона — одного из древнейших городов Палестины, в плодородной долине Мамре (Мамвре) росла священная дубрава. Полагают, что долина получила название по имени Мамрия Аморреянина, союзника

праотца Авраама (Быт. 14, 24). Авраам жил в этой долине, здесь же умер и был похоронен. До наших дней в мечети города (теперь он называется Хабрун) сохраняются чтимые и мусульманами гробницы Авраама, Исаака и Иакова, а также их жен. По преданию, именно в этой дубраве

явились Аврааму три ангела (Быт. 18,19). Громадный древний дуб, известный под именем «дуба Авраама», дожил до XIX столетия (он принадлежал тогда православной Палестинской русской миссии) и был уничтожен бурей в 1889 году.

В христианском богословии описанный ветхозаветный сюжет истолковывается как явление трипо-

стасного Бога. В связи с этим Мамврийский дуб изображают в иконах «Ветхозаветной Троицы». В этой композиции его называют древом жизни, древом вечности; отец Павел Флоренский рассматривает его как символ земной жизни. Примечательно, что и арабы-мусульмане почитали Мамврийский дуб как одно из деревьев первозданного рая.